

ЭПИЗОД ИЗ ПОСЕЩЕНИЯ БЕРЛИНА ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ, рассказанный маркграфиней Вильгельминой Байрейтской в ее мемуарах

Имя маркграфини Вильгельмины Байрейтской (1709—1758) — любимой сестры Фридриха II — ныне почти забыто, да и при жизни она оставалась в тени своего великого брата. Даже Вольтер, который был дружен с нею много лет, восхищался ее оригинальным и самостоятельным умом и ни разу не направил в нее ни одну из острых стрел своей беспощадной иронии, все же называл ее не иначе, как «достойной сестрой героя».

Судьба ее мемуаров, увидевших свет лишь полвека спустя после ее смерти, также не слишком удачна — они были крайне недоброжелательно встречены почти всеми немецкими историками, а их автора называли «злостной клеветницей» и даже «выродком в семье Гогенцоллернов». Удивляться такой реакции не следует — мемуары Вильгельмины впервые были опубликованы в 1810 году, вскоре после разгрома Пруссии Наполеоном, и острое и язвительное перо мемуаристки, запечатлевшей достаточно неприглядные картины придворной жизни, не могло не задеть патриотических чувств немецкой публики.

«Маркграфиня Вильгельмина была от природы зла, — замечает переводчик ее мемуаров, — и поэтому ее перо охотней выводило шаржи на окружающих; но если многим лицам, нарисованным ею, недостает полного портретного сходства, все же они, несмотря на всю карикатурность, не лишены правды».*

Вряд ли Вильгельмина была зла от природы. Вероятнее, ее ожесточила многолетняя борьба с деспотизмом отца — Фридриха Вильгельма I, короля-солдата, «фельдфебеля на улице». Мать Вильгельмины и Фридриха мечтала дать детям хорошее образование, но наталкивалась на упорное сопротивление короля. «У меня была маленькая библиотека, — вспоминает Вильгельмина, — кото-

* Голос минувшего. 1914. № 6. С. 73.

рую я прятала частью под подушкой, частью под столом, так как король ненавидел науку и хотел, чтобы я занималась исключительно рукодельем и хозяйством».

Королеве удалось настоять на своем, и Вильгельмина к 10 годам (столько ей было, когда она увидела Петра I) закончила весь курс элементарной школы и начала изучать географию, всеобщую историю и другие дисциплины. Мемуары не написаны на изысканном французском языке, которым она наряду с английским владела лучше, чем немецким. Любовь к серьезному научному чтению не оставляла ее всю жизнь, и она составила себе превосходную библиотеку, которую впоследствии принесла в дар основанному по ее инициативе Эрлангенскому университету.

Если мемуарам Вильгельмины не повезло на родине, то за рубежами Германии они были приняты достаточно доброжелательно. Английский историк Томас Карлейль отмечал, что они «являются ценным литературным памятником, но только следует отделить 25% *Dichtung** от заключенной в них несомненной *Wahrheit***. Пожалуй, стоит помнить об этом замечании, читая и фрагмент воспоминаний о посещении Берлина Петром I и его свитой в 1719 году. Надо иметь в виду и то, что десятилетняя девочка, возможно, была уже наслышана о варварских повадках московитов — шлейф слухов тянулся за Петром издавна, со времен Великого посольства. Неудивительно, что именно эти черты поведения царя и его приближенных бросились ей в глаза. Можно усомниться в достоверности некоторых деталей, но в целом Вильгельмина излагает реальные факты.

О том, как вели себя русские из окружения Петра, писалось чрезвычайно подробно не раз. Эти описания весьма схожи и печальны для нашего национального самосознания. Так, за 1698 год, когда Петр посетил Англию, сохранился любопытный документ — предъявленный казначейству хозяином дома в Демтфоре, где останавливался Петр со свитой, счет с перечислением ущерба, нанесенного усадьбе гостями. Хозяин требовал, чтобы было заплачено «за 150 ярдов окраски, за 300 стекол во всем доме, за все полы, попорченные грязью и рвотой, за 240 футов сосновых балясин... за 100 футов наружной загородки сада». Не менее впечатляющ ущерб, причиненный обстановке дома: «голубая кровать, обитая внутри светло-желтым шелком, вся измарана и ободрана... туалетный столик, обитый шелком, сломан и изрезан... 14 голландских плетеных стульев все сломаны и испорчены...» Длиннейший список разрушений заканчивается так: «Сверх того, дом, принадлежащий некоему Росселю, бедному человеку, где проживала

* Поэзия (нем.).

** Истина (нем.).

стража, назначенная состоять при доме, занимаемом царем, почти совершенно разрушен, так что подлежит оплате в полной стоимости».* Поэтому можно понять, что королеву — мать мемуаристки — «очень мало обрадовало» распоряжение короля представить «москвитам» ее увеселительный замок под Берлином.

Фрагмент из воспоминаний Вильгельмины Байрейтской печатается по публикации в журнале «Голос минувшего». 1913. № 9. С. 169 — 172. Перевод с французского С. Клейнер.

Я чуть не забыла упомянуть, что в 1719 году в Берлин приехал царь Петр. Его пребывание у нас так сильно смахивает на анекдот, что заслуживает, чтобы я его описала в моих мемуарах. Петр очень любил путешествовать и направлялся к нам из Голландии. Но по дороге ему пришлось остаться на некоторое время в Клевэ, потому что царица заболела (у нее был выкидыш). Так как он не любил большого общества и не терпел торжественных приемов, он попросил, чтобы король распорядился отвести для него помещение в увеселительном замке королевы, расположенном в предместье Берлина. Королеву это очень мало обрадовало, так как замок был лишь недавно выстроен, а кроме того, она положила много забот и затрат, чтобы побогаче и покрасивее устроить его. Там была великолепная коллекция фарфора, на стенах повсюду висели дорогие зеркала, и дом стал, действительно, походить на сокровище, откуда и произошло его название¹. Дом был окружен садом, неподалеку от него протекала река, а это еще более увеличивало красоту его местоположения. Чтобы уберечь вещи от порчи, которую русские гости производили повсюду, куда бы они ни приехали, королева приказала вывезти из дома всю дорогую мебель и те из украшений, которые легко могли разбиться. Царь, его жена и весь их двор приехали в Берлин по реке и были встречены королем и королевой на берегу. Король помог царице сойти; как только царь ступил на землю, он крепко пожал королю руку и сказал: «Я рад видеть вас, брат Фридрих!» Потом он подошел к королеве и хотел было обнять ее, но она оттолкнула его. Царица начала с того, что принялась целовать у королевы руки, причем она проделала это много раз. Затем она представила ей герцога и герцогиню Мекленбургских², приехавших вместе с ними, а также и сопровождавших их 400 дам, из которых состояла ее свита, собственно говоря, все они были горничными,

* Цит. по: Шубинский С. Н. Петр Великий в Дептфорде//В его кн.: Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908. С. 12 — 26.

кухарками и прачками, каждая из них имела на руках богато одетого младенца и на вопрос, чей это ребенок, отвечала, отвешивая низкий поклон, как это принято в России, что это дитя у нее от царя³. Королева не удостоила этих женщин и взгляда. Тогда царица, как бы оплачивая ей за это, обошлась весьма высокомерно с немецкими принцессами, но король после некоторых переговоров заставил ее все-таки поклониться им. Я увидела этих гостей лишь на следующий день, когда они пришли к королеве; королева решила принять их в зале, где обыкновенно бывали большие приемы; она встретила их чуть ли не у входа во дворец, где расположена стража, и, взяв царицу за левую руку, повела ее в этот аудиенц-зал. За ними следовали король вместе с царем. Как только царь меня увидел, он тотчас же узнал меня, так как мы виделись уже пять лет тому назад⁴. Он взял меня на руки и исцарапал поцелуями все мое лицо. Я била его по щекам и старалась изо всех сил вырваться из его рук, говоря, что терпеть не могу нежностей и что его поцелуи меня оскорбляют. При этих словах он громко расхохотался. Потом он стал беседовать со мной; меня еще накануне заставили выучить все, что я должна была сказать ему. Я говорила о его флоте, о его победах, и это привело его в восторг; он несколько раз повторил, что охотно отдал бы одну из своих провинций в обмен на такого ребенка, как я. Царица тоже приласкала меня. Она была мала ростом, толста и черна; вся ее внешность не производила выгодного впечатления. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчас заметить, что она была низкого происхождения. Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено в лавке на рынке; оно было старомодного фасона и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку. На ней был пояс, украшенный спереди вышивкой из драгоценных камней, очень оригинального рисунка в виде двухглавого орла, крылья которого были усеяны маленькими драгоценными камнями в скверной оправе. На царице было навешано около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и, когда она шла, все звенело, словно прошел наряженный мул. Напротив, царь был человек высокого роста и красивой наружности, черты его лица носили печать суровости и внушали страх. На нем было простое матросское платье. Его супруга плохо говорила по-немецки и едва-едва понимала, что королева говорила ей; она подозвала к себе свою шутиху, княгиню Голицыну, чтобы поболтать с нею по-русски. Эта несчастная женщина согласилась исполнять шутовские обязанности ради спасения своей жизни; она участвовала когда-то в заговоре против царя и дважды подвергалась за это битью кнутом⁵. Неизвестно, что она говорила царице, но та каждый раз раздражалась громким

хохотом. Наконец все уселись за стол; царь занял место возле королевы. Как известно, в детстве его пытались отравить, отчего вся его нервная система отличалась крайней раздражительностью и легкой возбудимостью; он был к тому же подвержен частым припадкам конвульсий, которые он не мог преодолеть. За столом с ним приключился один из таких припадков, а так как именно в тот момент он держал в руках нож, то так усиленно начал размахивать им перед королевой, что последняя перепугалась и хотела вскочить с места. Царь начал ее успокаивать, уверяя, что не причинит ей вреда; при этом он взял ее за руку и так крепко пожал, что королева взмолилась о пощаде. На это Петр, громко смеясь, заметил, что ее кости нежнее, чем у его Катерины. После ужина должен был состояться бал, но царь, как только встали из-за стола, тайком улизнул и прошел пешком до самого Монbijou. На следующий день ему показали все достопримечательности Берлина и, между прочим, собрание медалей и античных статуэток. Среди них была одна самая ценная в очень непристойной позе. Как мне потом стало известно, такими статуэтками в древнем Риме украшали комнаты новобрачных. Царь очень любовался ею и вдруг приказал царице поцеловать ее. Она не захотела; тогда он рассвирепел и крикнул ей на ломаном немецком языке: «Ты головой заплатишь за свой отказ!» Как видно, он собирался казнить ее, если она ослушается его. Царица в испуге поцеловала статуэтку. Царь, нисколько не церемонясь, выпросил у короля как эту статуэтку, так и несколько других. Ему также понравился дорогой шкаф из черного дерева, за который король Фридрих I заплатил огромные деньги, и он увез его с собой в Петербург, ко всеобщему отчаянию. Наконец, через два дня, весь этот варварский двор покинул Берлин. Королева поспешила в Монbijou, где все выглядело словно после разрушения Иерусалима. Никогда ничего подобного не было видано! Все до того было испорчено, что королеве пришлось заново перестроить весь дворец.

